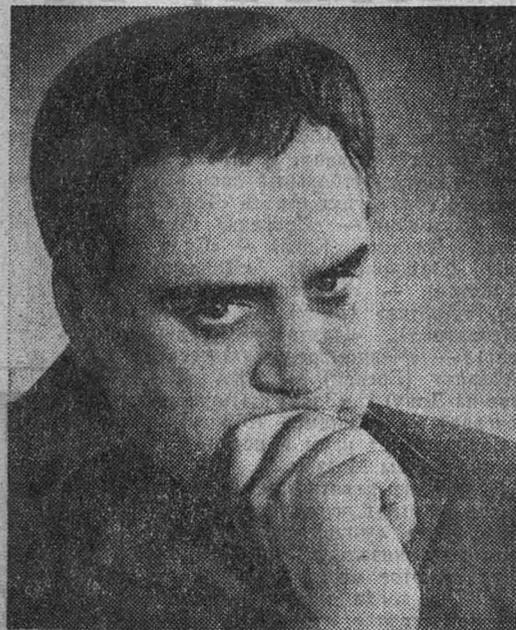

ЧТОБ О ЛЮДЯХ ЛЮДЯМ РАССКАЗАТЬ

АКТЕРЫ
И РОЛИ

Его имя появилось на актерском горизонте неожиданно. Слава пришла почти молниеносно. Произошло это двадцать лет назад, когда он был студентом философского факультета Ленинградского университета и занимался в самодеятельном театральном коллективе. Там он сыграл Хлестакова. Сыграл с юношеским энтузиазмом, энергией, весело, озорно. А потом дважды возвращался к этому образу — в фильме В. Петрова «Ревизор» и спектакле Академического театра драмы имени А. С. Пушкина. И как-то так само собой сложилось мнение, что Игорь Горбачев стал актером, сыграв Хлестакова. Более того, долгие годы многие считали, что Хлестаков — главная и лучшая работа артиста, что большинство из ролей, сыгранных им после, — лишь актерские вариации на ту же тему.

Так считали, когда он, будучи студентом уже Театрального института, играл на сцене Большого драматического театра имени М. Горького дону Сезаря де Базана в «Рюи Блазе», Швандю в «Любови Яровой» и когда немного позднее на сцене Театра имени А. С. Пушкина сыграл Ведерникова в «Годах страсти» и Алексея в «Оптимистической трагедии». А считали зря.

Потому что как актер Игорь Горбачев начался, пожалуй, именно с доня Сезаря де Базана. Если успех в Хлестакове сам артист объясняет во многом энергией молодости, юношеской непосредственностью, эмоциональностью, самим желанием быть на сцене (думается, что эта оценка всегда строго относящаяся к своим работам Горбачева — справедлива), то в «Рюи Блазе» перед ним стояли задачи иного плана, во многом необычные. Если «Ревизора» тогда трактовали только как комедию, то в «Рюи Блазе» создатели спектакля стремились быть верными автору, писавшему, что здесь «драма завязывает действие, комедия осложняет его, трагедия разрушает».

Своего героя, в котором своеобразная смесь «поэта, нищего и принца», Горбачев играл с подлинным комедийным блеском. Но притом он далеко вышел за рамки чистой комедийности. Он создал образ пылкого, благородного и честного поэта, любящего жизнь, всем своим сердцем ненавидящего подлость и зло, активно, действительно борющегося с этими губительными пороками человеческого бытия.

Кто знает, быть может, этот Сезарь и стал своего рода эскизом одной из будущих и одной из лучших, по-моему, работ Горбачева — Сирано де Бержерака в поставленном на концертной эстраде спектакле по романтической комедии Э. Ростана. Сам Игорь Олегович откровенно признается, что именно из-за Сирано он пошел в актеры. Сыграть в театре человека, рожденного «с солнцем в крови», поэта и борца, современно

прочитать образ, овеянный славной традицией, — это ли не дорогая для артиста задача! Потому так и стремится к ее решению Горбачев, так упорно и плодотворно отыскивает черточки Сирано в лучших своих героях.

«С солнцем в крови» были рождены и жили на сценических подмостках, как и их прообразы в жизни, многие герои Горбачева. «С солнцем в крови» — это Ведерников, Алексей, Бакланов, Платов, Кречет, Устименко, Экзюпери...

Ведерников стал настоящим дебютом Горбачева на сцене Театра имени А. С. Пушкина, с которым вот уже больше пятнадцати лет связана вся его творческая жизнь, связаны успехи и неудачи, радости и горести. Давно уже ходят в этот театр и «на Горбачева». А образовалось такое выражение, пожалуй, после «Годов страсти».

Это был спектакль-раздумье о времени, о людях, о каждом из нас. Мы встречались с Ведерниковым в труднейшие моменты его жизни, и за внешней бравадой, эгоизмом, черствостью была видна натура незаурядная, талантливая, личность щедрая интеллектуально и душевно. История Ведерникова была прочитана Горбачевым как история человеческого совершенствования.

— Когда я был мальчишкой, я думал: дни не исчезают бесследно, а уходят куда-то и там живут своей постоянной, неизменной жизнью. Куда уходят дни, сержант? — словно к старому другу обращался Ведерников к незнакомому сержанту.

Куда уходят дни? А. Арбузов не случайно поставил этот вопрос эпиграфом и своей драме. Ответ на него мучительно ищет Ведерников. Этот ответ будет искать и другой герой Арбузова — Антон в спектакле «Потерянный сын».

Избалованный, заласканный славой и добротными венценосцами писатель Антон Охотников приходит к трезвому пониманию суровой истины, что как писатель он — выдуман. За ленивостью, благодушием, снисхождением Антона Горбачев раскрывал тревогу героя из-за его жизненной неустроенности и, при всей видимой антивной деятельности, из-за отсутствия настоящего дела.

— Как в будние дни жить, науки, — с горькой откровенностью и надеждой спрашивал Антон отца. — Жить и сознавать, что живешь не зря, не понапрасну?

Не правда ли, как похожи вопросы Ведерникова и Антона, как один продолжает другой? Ошибаясь, путаясь, герои А. Арбузова и И. Горбачева страстно искали на них ответы. Ведерникову мудро и просто отвечал сержант: «А куда им уходить? Они тут, при нас. Хорошо прожитый день и после смерти жив остается». Антону отвечал отец: «Что суть человека? Его дела: изменил им — и нет тебя».

К ответам сержанта и отца могли бы полностью присоединиться сыгранные несколько позднее Горбачевым Владимир Платов, Платон Кречет, Владимир Устименко. Точнее — не присоединиться, они своей жизнью, всеми делами своими и поступками отвечали так.

О Платове, герое драмы Л. Зорина «Друзья и годы», актер может говорить часами, с упоением и восторгом, с великой радостью, что есть такие люди на земле.

Размашистыми, энергичными и яркими мазками создавал Горбачев этот образ. Восторженно-неумным, деятельным и решительным входил в жизнь его Платов. А порой проглядывали в нем как-то черточки афиногеновского «Чудака», еще в тридцатые годы сы-

гранного на той же сцене А. Борисовым. И в этом видится своеобразное продолжение традиции Пушкинского театра, традиции его обращения к образам современников.

Высокая гражданственность и мужественная простота отличали Платова — Горбачева. Жить для него — значило действовать, приносить людям пользу, отдавать им всего себя, все свои силы, свой ум, свою жизнь. Он постоянно в ответе за все, что происходит на земле, за все, что требует мысли и дела гражданина, патриота, коммуниста.

«Я отвечаю за все», — словно бы продолжал дела и мысли Платова герой инсценировки романа Ю. Германа Владимир Устименко. Многие черты роднят героя спектакля «Дело, которому ты служишь» с Платовым и с Платоном Кречетом, сыгранными один за другим. И можно представить себе, как нелегко было актеру избежать самоповторения, копирования ранее созданного и найденного. Притом, что эти роли — главные, определяющие в творчестве актера. А сколько еще положительных, симпатичных героев сыграл Горбачев! И, конечно, повторения были. Досадные, горькие самоповторы. Наверное, здесь не хватало твердой и уверенной режиссерской руки, не хватало ее, к сожалению, и сейчас. Быть может, от этого далеко не сразу получилась и роль Устименко.

Стремясь как-то оправдать риторичность образа, обострившуюся в сделанной театром инсценировке, насытить ее яркой, активной жизнью, Горбачев поначалу играл Устименко излишне суровым, грубым, замкнутым человеком, не всегда справедливым в резкости и вспыльчивости. Такая трактовка была довольно односторонней. Это чувствовал актер и неотступно искал краски более разнообразные. Одной из них стал юмор — ироничный, скептический. А вместе с юмором как бы пришла и большая мудрость понимания жизни. Суровость, резкость оказалась камуфляжем душевной ранимости, застенчивости героя. Устименко стал мягче, добрее, терпеливее и требовательнее, стал действительно «дородим моим человеком».

Дорогим нам человеком стал и герой пьесы Л. Малюгина «Жизнь Сент-Экзюпери».

В многотрудной работе над ролями Устименко и Экзюпери Горбачев продолжил свои поиски новых выразительных средств, обогащая его актерскую палитру. Любимый раннее интонационно расцвечивать не то что фразу, а чуть ли не каждое слово роли и наслаждавшийся этим своим умением, Горбачев становится теперь все строже и скупее, сосредоточи-

вая главное внимание не на том, как произнести слово, а на том, какой герой и что произносит. И если лет десять-пятнадцать назад различить героев Горбачева по их произношению, манере говорить было почти невозможно, то сегодня при всей неизменной узнаваемости голоса самого артиста мы легко отличим слейно-инквизиторский голос его Булгарина из «Болдинской осени» от жизнерадостно-недоуменного Бенедикта в «Много шума из ничего» и от любознательно-безразличного Малахова в спектакле «Справедливость — мое ремесло».

Все более насыщенной и сложной внутренней жизнью живут герои Горбачева. Антер становится истинным мастером.

Лучшим доказательством тому — и его многочисленные работы на телевидении, на радио, и его последние работы в театре. А работает он много. Вот уже почти сезон, как он возглавляет художественную коллегию старейшего театра Ленинграда. И играет — много, с упоением и радостью. Только за минувший год — три премьеры: «Много шума из ничего», «Болдинская осень», «Час пик».

Час пик — это тот момент в жизни человека, когда вдруг разрозненные до этого эпизоды прошлого, тревоги, сомнения вдруг складываются собранными воедино и заставляют задуматься над прожитым: кто ты на этой земле, что ты и зачем ты. Горбачев остроумно развенчивает оказавшееся фальшивым, несостоятельным преуспевание Кшиштофа, но пока прошло всего лишь несколько спектаклей! находится на пути, скажем сразу — пути верном, к всестороннему анализу и показу глубокого внутреннего драматизма переживаемой героем катастрофы.

Актер в пути. Как часто пишут, в расцвете творческих сил. И это действительно так. А потому мы ждем от народного артиста РСФСР Игоря Горбачева новых созданий, новых героев. Надеемся, что театр будет и впредь щедр к одному из ведущих своих исполнителей, что осуществится его мечта сыграть на сцене Сирано де Бержерака, человека «с солнцем в крови».

Ю. КРАСНОВ

НА СНИМКЕ: народный артист РСФСР И. Горбачев в спектакле «Час пик».

Фото Д. МОВШИНА